

18+

ВТОРНИК

Толстый зависимый* литературно-художественный журнал

* от дня недели и погоды

№ 16 ноябрь 2020

Игорь Михайлов

Вторник. №16, ноябрь 2020. Толстый, зависимый от дня недели и погоды литературно-художественный журнал

«Издательские решения»

Михайлов И.

Вторник. №16, ноябрь 2020. Толстый, зависимый от дня недели и погоды литературно-художественный журнал / И. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517652-3

Толстый, зависимый от дня недели и погоды литературно-художественный журнал.Выходит два раза в месяц.© Издательский дом «Вторник»

ISBN 978-5-00-517652-3

© Михайлов И.

© Издательские решения

Содержание

ОТДЕЛ ПРОЗЫ 6
Игорь ЧЕРНИЦКИЙ 6
Приближение Марса 6
Станислав ГОЛЬДФАРБ 20
Капитан и ледокол 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Вторник. №16, ноябрь 2020 Толстый, зависимый от дня недели и погоды литературно-художественный журнал

Главный редактор Игорь Михайлов
Редактор Татьяна Соколова
Корректор Инна Тимохина
Главный художник Дмитрий Горяченков

ISBN 978-5-0051-7652-3 (т. 16)
ISBN 978-5-0051-4159-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТДЕЛ ПРОЗЫ

Игорь ЧЕРНИЦКИЙ

Приближение Марса

(Продолжение. Начало в №11—15)

Глава IX

Чтобы восстановить давно утерянные координаты Сергея Дубовского, Просекину пришлось отправиться на угол Второй Брестской и Васильевской в Союз кинематографистов, в Дом кино. Там в Гильдии кинорежиссёров милая Маша, молодая ещё, но по виду безнадёжно измученная рутиной взваленных на неё повседневных дел и обязанностей женщина, выдала ему искомый номер мобильника. Просекин вышел к машине и натыкал нужные цифры на своём смартфоне:

– Алло!

– Да. Кто это? – неприветливо ответила трубка.

Просекин от этого тона чуть растерялся и уточнил:

– Сергей Константинович?

– Сергей Константинович, – мрачно согласились. – А это кто?

– Серёжа, это Юрка Просекин, – с простецкой радостью представился Юрий Кириллович и сам почувствовал наигранность своей интонации: ну какой уж он такой близкий друг, через годы, практически из небытия возникший. – Юра. Юра Просекин! Художник. Кино мы с тобой делали, помнишь? Я у тебя художником-постановщиком был.

– А-а-а, – протянул Сергей. – Было дело. Да только быльём поросло.

– Не помнишь меня, что ли? – повторил вопрос Просекин.

– Ну чё ж не помню? В склеротики меня ещё вроде рано записывать. А чё вдруг обо мне вспомнили?

– Серёжа, дорогой, надо встретиться.

– По вопросу?

– Не могу по телефону. Давай при встрече.

– Я вообще-то на службе…

– Когда ты сможешь? У меня горит, срочно надо.

– Прямо гори-и-т?! – с иронией, даже с издёвкой, как показалось Просекину, переспросил Сергей.

«Будто я в его неудачах виноват», – подумал Юрий Кириллович, но в трубку сказал, таинственно понизив голос:

– У меня потрясающее творческое предложение.

– Тво-о-орческое, – скучающим тоном протянул Сергей. – Меня творчество нынче не интересует.

– Как? Почему? А что интересует?

– Деньги! Что ещё сегодня может интересовать? Деньги, только деньги, сегодня всех интересуют только деньги.

– Но ты же художник, режиссёр-постановщик художественного кино, тебя не может не интересовать…

Дубовской сухо перебил Юрия Кирилловича, начавшего было впихивать в самый микрофон смартфона свою вдохновенную тираду:

– Я уже давно не художник, не режиссёр.

– А кто же ты? – усмехнулся, ещё ни о чём не догадываясь, Просекин. – Режиссёр навсегда остаётся режиссёром, даже если он годами не снимает. Ведь верно сказано, режиссура – это мироощущение…

– Юра, я работаю риелтором, квартиры продаю. Мне семью надо кормить.

Наступила пауза, Просекин растерялся.

– Ну, чего замолчал? – теперь уже усмехнулся Сергей. – Удивлён? Не удивляйся, не я один в эти окаянные годы вынужден был отказаться от своего призвания.

Юрий Кириллович всё молчал.

– Молчишь? – опять усмехнулся Сергей. – Хороший у тебя телефон. Чуйствительный! Слышу, как дышишь в микрофон. Что, необходимость встречаться отпала? Давай тогда прощаться, а то весь баланс на твоём телефоне проговорим. Счётчик-то тикает.

– Нет, Серёжа, давай всё-таки встретимся, – выдавил Юрий Кириллович. – Мне очень нужно, очень важно.

– Ну, бог с тобой, коли не шутишь, – согласился Дубовской. – Только чует моё сердце, мало буду я тебе полезен.

Они условились встретиться возле храма Христа Спасителя. Просекин, дабы не застрять в пробках, решил оставить свой авто и в кои-то веки спуститься в метро. А так как давно не пользовался этим самым надёжным в Москве видом транспорта – хотя какой он надёжный в наш-то век, если и здесь, под землёй, случаются теракты, – Просекин выбрал времени на дорогу с большим запасом. Когда эскалатор плавно опускал его к перрону, он невольно прислушался к разговору двух юношей, очевидно студентов-первокурсников, ибо, судя по их громкому, будто в лесу, разговору – это часто, как ему подумалось, нынче в общественных местах бывает у свободной от лишнего груза воспитанности молодой поросли, – озабочены они были предстоящей сессией.

– А вот вопрос на засыпку, – провозгласил один из них. – По истории! Кто первый был, Сталин или Ленин?

Ответа от второго мученика науки тут же не последовало, и Юрий Кириллович не выдержал – повернулся.

– Пушкин! – подсказал он вполне серьёзно.

– Ответ правильный! – весело воскликнул вопрошавший юнец, и они с другом, поправляя на плечах рюкзачки, громко рассмеялись.

Стрельбы больше не слышно. Получили распоряжение немедленно занять места в машинах и двигаться с наркомом Сергеенко через Скопцы на Барышевку. Нарком со своим окружением на трёх легковых автомобилях быстро уходит вперёд. Мы на грузовых машинах не в состоянии их догнать, чтобы держаться колонной. Кроме нашей группы, ещё шесть машин НКВД: других не пустили.

Дорога усеяна трупами немцев, брошенные крупнокалиберные орудия, воронки от разорвавшихся снарядов и мин изрыли всё пространство вокруг. На обочинах разбитые и перевёрнутые автомашины. Еле-еле можно проехать среди всего этого.

В Скопцах не видать ни одного местного жителя. В конце села у колхозных конюшен заслон. Полковник останавливает автомашины и, несмотря на наши доводы, что мы являемся группой наркома внутренних дел, дальше не пускает. Машины наши разгружаются и направляются с медперсоналом подбирать раненых на поле боя. А всех нас ехавших на этих машинах построили в колонну по четыре и направили на рубеж обороны.

Меня оставили с личными вещами сотрудников и кассой ТЭЦ. Со мной товарищ Панкин Александр Степанович. Остался он только потому, что оружия, в отличие от других, не имеет. Находим с ним разрушенный погреб – удобное место, где решили запрятать личные вещи ушедших в оборону товарищей и чемодан с деньгами. Под обстрелом таскаем в погреб мешки и каждый раз, как заслышим противный писк летящей мины, падаем на землю. Они рвутся в пятидесяти – шестидесяти метрах вокруг нас. Осколки с визгом и шипением пролетают над самыми головами и ударяются в землю, разрывая её.

Ждём, когда вернутся автомашины с ранеными. После этого их должны направить в лазарет, устроенный в колхозных конюшнях. Но прежде чем привезли раненых, этот лазарет погрузился на свои машины и уехал в направлении Барышевки.

Наконец, одна наша автомашина вернулась с поля боя до отказа загруженная ранеными. Лазарета уже нет. Куда девать раненых, не знаем. На Барышевку не пускают. Решаю оставить товарища Панкина у вещей, а сам на автомашине с ранеными еду в Войтовцы, с тем чтобы раненых передать в лазарет, затем вернуться с машиной, чтобы забрать вещи и работников НКВД, которые обещали меня ждать у этих самых вещей.

По дороге в Войтовцы встретил товарища из нашей группы. Оказывается, он ездил в особый отдел за разрешением освободить оперативный состав НКВД от обязанностей рядовых бойцов. Результат положительный, особый отдел распорядился запретить посылать оперсостав в качестве рядовых бойцов на линию огня.

Доехали до Войтовцев. После артиллерийского обстрела пробка там немного рассосалась. Лазарет грузится на машины и выезжает обходным путём по направлению на Барышевку. Раненых у меня не принимают, еле упросил сделать им перевязки.

Встречаю неожиданно Когана, начальника монтажа ТЭЦ. Оказывается, он, едва знакомый с медициной, помогает в лазарете делать перевязки. Рассказал, что его оглушило разорвавшимся вблизи снарядом.

Тяжелораненых и, по всей видимости, безнадёжных лазарет оставляет в Войтовцах. Просто нет возможности всех забрать. Забегая вперёд, скажу, что, как стало уже после освобождения Украины известно, этих раненных бойцов в уже оккупированных Войтовцах пытались спрятать по хатам местные жители, но всех выдал эсэсовцам предатель. И все: и эти раненные бойцы, и те, кто их пытался спрятать, – все погибли в душегубке.

Мою машину снова нагружают до отказа ранеными, и мы продвигаемся в общей колонне автомашин. Едем в объезд по окраине села Войтовцы. Уже стемнело. Местность болотистая. Приходится пешком идти вперёд и разведывать дорогу. Машины то и дело начинают

застревать в болоте. И всё больше охватывает чувство, что их из этого болота, в конце концов, уже не удастся вытащить.

К полуночи я вывел свою автомашину на бугор на окраине села. Опять сплошной поток автомашин образовал пробку. Продвигаемся черепашьими шагами.

К рассвету выбираемся в поле за селом. Впереди машины пошли развёрнутым строем. В низине они вновь начинают погружаться колёсами в топкую почву. Наша машина зарывается в болоте по диффер. Проходит полчаса бесполезных попыток выбраться из низины. Кругом нас до десятка машин с ранеными засели в болоте. Я пытаюсь задержать трактор-тягач, везущий в прицепе снаряды. Тракторист сопротивляется: боится отстать от своей колонны с орудиями. Но я призвал на помощь старшину этого артиллерийского подразделения и всё-таки заставил его подчиниться. Тягач вытаскивает одну за другой машины. За этой работой нас выследил противник и с правой стороны дороги открыл стрельбу из пулемётов и автоматов по застрявшим автомашинам. Вокруг, сражённые пулями, то и дело стали падать люди. Спешим выручить оставшиеся пять машин с ранеными. Огонь настолько интенсивен, что пулемётные очереди глушат своим треском натужно работающие двигатели машин и трактора.

Прячась за гусеницы тягача, вытаскиваем одну машину на бугор, но вести её некому: её водитель уже сбежал. Шофёр моей автомашины сбежал тоже. Чёрт с ним! Поведу сам. Силой заставляю бойца-тракториста вернуться с бугра в низину за моей машиной. Заскакиваем в кабину трактора. Только тракторист дёрнул рычаги, как вдруг делает неуклюжее движение головой вниз и падает с сиденья на пол кабины к моим ногам. Тягач продолжает двигаться без управления и при этом круто поворачивает в ту самую сторону, откуда немцы ведут свой шквальный огонь. Старшина, увидев, что тракторист убит и тягач кружится без управления, выскочил из канавы и, сбросив из трактора на землю поражённого насмерть тракториста, умоляет меня не ехать за оставшимися машинами с ранеными, а лучше захватить и тащить прицеп со снарядами. Указывая мне на уже развёрнутые к бою орудия, он дико кричит о необходимости подвоза снарядов. Да я и сам вижу: артиллеристы подают нам сигналы, требуя подвоза боеприпасов. Я, конечно, соглашаюсь. Но огонь противника настолько стал плотным, что берут сомнения в благополучном исходе нашей затеи. Но выхода нет. Единственное, что остаётся, двигаться к прицепу, забрать его и подтащить к орудиям.

На то, чтобы его подцепить, уходит много времени. Старшина нервничает и не может подать тягач с тихого хода к прицепу. Вокруг запищали мины. Мы остались в низине фактически единственной живой целью для противника. Немцы видят и понимают наши намерения и ни в коем случае не хотят подпустить нас с боеприпасами к батарее. Летят трассирующие пули немецкого корректировщика, их светящиеся стрелки свистят у самого нашего тягача. Наконец, мне удаётся соединить прицеп с трактором, и старшина, не садясь в кабину, рукой до отказа нажав на газ, направляет тягач к орудиям. Трактор медленно ползёт, а мы со старшиной, прячась за гусеницами с левой стороны, продвигаемся за ним следом.

По нашей развёрнутой батарее немцы ведут огонь из миномётов. Нервничаем: успеем ли мы доставить снаряды, прежде чем противник побьёт артиллерийский расчёт или вынудит батарею уйти с занятой позиции. Старшина периодически вскакивает в кабину и направляет трактор. Движемся прямо в пекло миномётного огня, а за трактором в прицепе опаснейший груз.

Артиллеристы залегли в межу и ждут нас со снарядами. Наконец, мы подтащили боеприпасы. Я нисколько не обижаюсь на короткие ругательства командира батареи в мой адрес. Мне любо смотреть, как батарея открывает огонь по противнику, как копны, где укрылись немцы, вместе с ними и чёрной землёй взлетают на воздух. Вся высотка покрылась

чёрными пятнами-воронками от разрывов наших снарядов. Умолкли фрицы, умолкли навсегда. Некоторые вскакивают и пытаются бежать, но тут же падают замертво.

Нам со старшиной командир батареи приказал, оставив прицеп с боеприпасами, отвести трактор в укрытие в следующую низину.

Больше мне здесь делать нечего. Я остался один. Направляюсь по дороге полем в ту сторону, куда ушли машины.

Когда поднялся на возвышенность, увидел, что автомашины далеко не ушли: рассредоточиваются по всему полю, маскируясь снопами.

Глава X

Просекин запутался в переходах между станциями и уехал совсем не в ту сторону. Но это его ничуть не огорчило, ведь времени до предстоящей встречи было более чем достаточно. Напротив, погружаясь в пёстрое метрополитеновское многолюдье, он с неподдельным интересом, будто заново, открывал для себя иную, давно забытую в меркантильной суете, большую, многокрасочную, полную неожиданных оттенков жизнь. И сколько фигур – согбенных и стройных, и сколько лиц – весёлых и печальных. И каждый спешит или растерянно вертится на месте, задирая голову в поисках направляющих надписей и стрелок. И каждый – личность, и каждый – судьба, и каждый достоин портрета.

На станции «Курской» в просторном вестибюле, от коего вниз к платформам тянулось несколько эскалаторов, Просекин, выбирая по которому же спускаться, невольно прислушался к по-настоящему виртуозной игре молодого скрипача и, в конце концов, присоединился к окружившей того толпе слушателей. Многие поднимающиеся на эскалаторах или, наоборот, намеревающиеся спуститься на них пассажиры вдруг останавливались, привлечённые пением скрипки. Они, может быть, и не могли тут же вспомнить авторов, да по большей части и не понимали, не догадывались, что звучат шедевры Бетховена, Брамса, Вивальди, Чайковского, Рахманинова, но они оставались стоять в очарованном полукруге перед этим молодым музыкантом. Оставались наедине со своими воспоминаниями, своими глубокими чувствами, своими вечными житейскими думами, позабыв о мелком, сиюминутном, совсем недавно так озаботившем и позвавшем их в дорогу.

Какой счастливый этот парень, подумал Юрий Кириллович. Как просто: встал себе на переходе в метро, Терпсихора тут же к нему под землю спустилась, дескать, играй, милый Орфей, твори в своё удовольствие…

А я? В какой непотребной суете сгорают мои годы: вечное выбивание каких-то жалких званий, премий, заказов… А сколько сил и времени ушло, пока вгрызался в своё, в общем-то, законное право на получение новой мастерской. Вырвал, наконец, эту сладкую репку, и что, стал счастливее? И опять эта душепыльная погоня за длинным рублём. Лучше красненьким, с пятёрочкой. Или зелёненьким долларом, что ещё лучше. И даже то, что я тяну в профессию этих наивных желторотых мальчиков и девочек, – это тоже, уж будем честными, ради деньги́, а не из высокого альтруизма. И всё этих проклятых денег мало, всё не хватает, всё давай, давай, давай ещё. Тьфу ты, пропасть пропащая! «Где я, что я, зачем я?» – слёзы вдруг навернулись на глаза Юрия Кирилловича – музыка расковыряла душу.

Немного легче стало, когда парень опустил смычок, и к нему потопали два малыша, коим растроганные родители доверили опустить в футляр скрипки, раскрытый на полу, мелкие купюры. Тоже ведь вот деньга́ – двигатель всего этого действа. Это слегка утешило Юрия Кирилловича. Он повернулся и побрёл к эскалатору. Эх, решил он горько, этот мальчишка-скрипач – всё же ближе к небу, к смыслу, к истине, к Богу ближе.

Серёжкина контора по продаже недвижимости располагалась совсем недалеко от оговоренного места встречи. Ему нужно было только перейти к храму по мосту через Москву-реку. На середине этого Патриаршего моста они и встретились. Пожали друг другу руки. Но тут же Юрий Кириллович неожиданно для самого себя привлёк к себе Сергея и крепко обнял.

– Романтическое свидание, – улыбнулся Сергей. – На мосту. Да ещё с такими фонарями, будто газовыми, под старину. Ну, так что у вас за проблема? Пойдёмте вокруг храма погуляем, а то я целый день сижу в полуподвале, как старая крыса.

– Почему старая? – попытался пошутить Просекин. – Ты ещё отлично выглядишь. Почти с тех пор не изменился.

В прямом взгляде Сергея вспыхнула ироничная искорка, будто он хотел сказать: ну что ты врёшь, к чему мне эти твои комплементы, давай выкладывай, чё надо?

Просекин от этого как-то совсем по-детски смутился, отвёл глаза на проходящую мимо девушку и так внимательно её разглядывал, даже повернулся ей вслед, стараясь изобразить, якобы узнал знакомку.

– Благодарствуйте! Наше вам с кисточкой, – склонил голову Сергей. – Только всё же крыса.

– Правда, правда, – справившись с непонятным смущением, подтвердил Просекин. – Я же тебя издалека узнал.

– Да ладно, бросьте вы, – отмахнулся Дубовской, – «Познал я глас иных желаний, познал я новую печаль».

– А старой печали тебе не жаль? – улыбнулся Юрий Кириллович и обнял Сергея за плечи. – Слушай, Серёга, давай на «ты», как раньше, когда кино пытались сделать.

– Можно, конечно. Только я-то скучный маленький клерк, а вы… а ты большой художник. Я о тебе в газетах читал и как-то по телику видел.

– Да это всё ерунда, – скривил губы Юрий Кириллович. – Так, пивная пена. Мне кажется, самое настоящее и самое интересное было вот тогда, когда мы большое и хорошее кино пытались сделать.

– Вот именно, пытались, – хмыкнул Сергей. – Попытка оказалась пыткой. Во всяком случае, для меня. Правда, потом я всё-таки успел ещё что-то снять…

Просекин на это признание даже не обратил внимания и не стал уточнять, что́ всё-таки Сергей «успел снять». Его вообще сейчас не интересовала биография и все творческие мытарства приятеля. У него была своя чёткая цель, и к ней он был весь устремлён.

Они пошли вокруг храма, и Юрий Кириллович, будто мальчик, волнуясь, сбивчиво, перескакивая с предмета на предмет, стал рассказывать Сергею историю утерянной рукописи, толковать о мечте внезапно ушедшего киевского друга – сделать по этим дедовским воспоминаниям сценарий и снять фильм, честный, точный и нужный, необходимый именно сейчас.

Дубовской внимательно выслушал. Помолчали. Медленно шли вокруг храма. Юрий Кириллович нахмурил брови. Подумалось ему: наверное, идею свою изложил как-то неувлекательно, сбивчиво. И тут Сергей остановился, повернулся и, заглянув Просекину в глаза, улыбнулся:

– Послушай, Юра, знаешь, как наше агентство по продаже недвижимости называется? «Домашний уют»! Миленькое такое, тёпленькое название. И главное – очень моему многодетному семейству нравится. Я за такое счастье почёл, что меня один добрый дядя богатенький устроил в это своё бюро по недвижимости, – ты даже не представляешь. Я всё ходил клянчил у него спонсорские денежки на своё кино, пока он мне не предложил: давай, говорит, возьму тебя на работу в одну свою контору на вполне достойную ставку. Я жене как вечером рассказал, так она расплакалась: мы же больше года просто голодали, детей одной гречневой кашей кормили. Они уже есть отказывались, плакали, а мне – хоть в петлю. Я на следующее утро просто побежал к этому олигарху. Вот теперь и сижу. И молю Бога, чтобы этот дядя не разорился

или чтоб президент его, чего доброго, не тряхануул: сам знаешь, все они, эти новые наши хозяева, если глубоко копнуть, воры и мошенники. Но молчу, молчу: мысль материальна. Пусть никаким ветром нашу контору не качнёт. Пусть стоит, как башня Эйфелёвая. Кстати, у моего благодетеля недвижимости в Европе до фига, и вообще, сидит он больше в Ницце, а сыновья – один в Лондоне осел, а другой в Оксфорде учится. Это не мои худосочные гречкоеды, – он остановился и развернулся к Просекину. – Так что забудь обо мне как о ваятеле нетленки. Тем более, что тема-то всем уже приелась. Лучше «Журавлей» калатозовских или той же чухраевской «Баллады о солдате» не сделаешь. Теперь если о нашем советском прошлом, то надо, обязательно, хоть с кусочком дерьма. Или, вообще, что-то прежде запретное. Тут вот случайно передачу на радиостанции «Маяк» услышал. У меня радио всегда на кухне вполголоса вещает. А тут как раз жена на работе была, кастрюлями не гремела, а ребятишки в школе, ну я и услышал. Тип какой-то заявил: нужно, говорит, в школе изучать «Майн кампф». Для полноты, так сказать, исторических знаний. А? Как тебе? Правильно! Надо ещё, я думаю, наших детишек в гитлерюгенд загнать. А что? На замену пионерии. Вот такой у нас «Маяк». Там и песни всё англоязычные звучат. Назвали бы уж свою радиостанцию честно – «Маяк на Гудзоне». А если вдруг на русском, так что-нибудь такое: «Завяжи мне глаза, и я на ощупь буду любить тебя, как ты хочешь». А, каково? Я весь текст этой песенки процитировать не могу, но вот несколько строк именно так. Я чувствую, если дальше так дело пойдёт, то хана русской культуре и русскому языку. Сейчас журналисты-то вон на радио малограмотные. Удивляюсь, как их там учат. Тебе не приходилось слышать, как они в эфире вещают. С деепричастными оборотами у них здорово получается. Типа: войдя в дом, у меня зазвонил телефон. Или один выдал: нам на это всё равно. Или как тебе такая реклама: очень замечательный фильм?

– Да-а, – снисходительно улыбнулся Юрий Кириллович, – вижу, в людях ты окончательно разочаровался.

– Нет, почему? – возразил Дубовской. – Простые русские люди… Я не национальность имею в виду, а тех простых людей, что живут на нашей горькой земле. Так вот, наши люди, простые люди, всегда были чисты и великодушны. Я вот тут намедни вышел из магазина и бумажник как-то так неловко в карман куртки сунул, что он тут же возле крыльца гастронома и вывалился. И сумма там была приличная. Так меня парень догнал: вы, говорит, кошелёк потеряли. Может, мне, конечно, просто повезло на хорошего человека.

– Тебя вообще в съёмочной группе, как я помню, уважали, любили даже.

– Знаешь, – скривил губы Сергей, – дёшево она стоит, эта любовь съёмочной группы. Так любят любого диктатора. Режиссёра-постановщика любят и дружбу с ним поддерживают, пока он кино снимает или в перспективе может с новой картиной запуститься. Они любят свою настоящую и потенциальную зарплату, а не режиссёра.

– Вот я и предлагаю тебе взяться за новый проект, чтобы все тебя полюбили. Давай, Серёжа, вернёмся в кинематограф. Ей-богу, тема этого заслуживает.

– Какой кинематограф?! – воскликнул Сергей так громко, что на них оглянулись прохожие. – Где у нас кинематограф? У нас давно уже не кинематограф, а медведкоматограф.

– То есть? – не понял Просекин.

– А то и есть, что Медведков всё под себя подмял. Это ж целый спрут образовался. Новым директором Департамента кинематографии назначена его крестница. Её отец, Борис Любезнов, ректор театрального училища, давний друг Медведкова. Они соседи по усадьбам. Забор в забор. Министра культуры тоже Медведков поставил. Специально в резиденцию президента в Сочи летал. Просил, умолял оставить эту кандидатуру. Ведь все надеялись, что его уже турнут с этого кресла. Нет, Медведков президента уговорил. И теперь этот министр так называемой культуры или так называемый министр культуры – его, Медведкова, марионетка.

– Ну, раз всё так зависит от Медведкова, давай с ним встретимся. В конце концов, запишемся на приём как к секретарю Союза кинематографистов.

– Бесполезно.

– Ну почему?

– Во-первых, потому что он сегодня делает только то, что приносит лично ему дивиденды. А во-вторых, он тебя мило встретит, будет рассуждать о любви и преданности Отечеству, о его великой истории и ратном подвиге, рассуждать очень красиво и грамотно. Он же, ко всему прочему, актёр клёвый. Полностью накроет тебя своим обаянием. С потрохами купит. Ты просто готов будешь схватить триколор и маршировать по Тверской прямиком на Красную площадь. Он и наобещать может золотые горы. Только не сделает ни хрена. Даже пальцем о палец не ударит. Тут же о тебе забудет. Потому что он занят только собой, любимым и великим. Он и президенту верный опричник только потому, что перед ним президент России-матушки. А будет другой президент, он и перед ним так же на задние лапки встанет. Даже независимо от того, какие политические идеи тот будет продвигать. Хоть прямо противоположные идеям предыдущего народного избранника. А почему? А потому, что он думает одно, говорит другое, а делает третье. Потому, что он Медведков. Ты, кстати, неправильно его фамилию произносишь. Надо ударение делать на последнем слоге. Он сам так всех учит. И правильно учит, потому что если делать ударение на втором слоге, то, получается, что фамилия происходит от очень неприятного насекомого-вредителя. Ты когда-нибудь медведку видел, нет? А я в детстве в селе на Украине, у бабушки в огороде, на неё наткнулся – так бежал как ошалелый. В хату, да с ногами – на старый диван с обшарпанным дерматином. И дрожу, как суслик. Чудище жуткое. Она и пяти сантиметров не будет, но показалась огромной. Бурая, длинная, мохнатая, и передние лапы загребущие – вроде как у рака клешни.

– Да уж, – посетовал Просекин, – презрению твоему нет предела.

– Есть основания, – подтвердил Сергей. – Я, ещё когда актёром начинал, его просто боготворил. Он, согласись, в советское время настоящее кино делал. Как-то однажды я, наивный, восторженный юнец, после очередной его премьеры всю ночь ему письмо писал. Опустил в почтовый ящик, и вскоре приходит ответ. Не он пишет, а его ассистент Ася Лютикова. Пригласила на «Мосфильм», чтобы сделать фотографии: у Медведкова, дескать, своя актёрская картотека. Я, конечно, прискакал: уж очень хотелось у Медведкова сниматься. Да кто тогда не хотел? Все актёры – с радостью бы! Это ж кино было. Не то фуфло, что он сейчас лепит. Будто совсем другой человек эти поделки снимает. А почему?

– Почему? – вторил Юрий Кириллович, чувствуя, как начинает раздражаться от того, что в разговоре они всё дальше уходят от темы, ради которой встретились.

– Мамона! – воскликнул Сергей. – Мамона его одолел. Золотому тельцу свой талант заложил. В его адский ломбард. Вот ему деньги чуть ли не с неба валятся, а талант – тю-тю. Фильмы снимает всё ближе к говну. Ему всё кажется, что он себе памятник воздвиг нерукотворный, а на самом деле падение на самое дно. Падение с той самой вершины, на которой он в советские времена стоял, и все им восхищались. И вдруг покатился с этой вершины. И началось это, скажу тебе, давно. Вот вспомнил я Асю Лютикову. Все на «Мосфильме» знают, что она страшно пила. Ну, спивалась, пропадала барышня. Её со студии увольняли. Он её взял к себе в ассистентки. Она ему благодарна была. Не иначе как «маршалом» называла. Когда мы с ней познакомились, она уже человек пожилой была, ну, старушка, в общем. Милый, добрый человечек. Актёры её уважали, любили. О пьянстве её никто уже и не вспоминал, тем более что работник она была просто классный. Да и Медведков её опекал, она ведь во всех его лучших фильмах отработала. И вот смотрю по телеку – празднуется его, Медведкова, юбилей. Прямая трансляция из концертного зала. И вижу Асю Лютикову. Идёт она к сцене по центральному проходу зала с огромным букетом белоснежных хризантем. Вся такая нарядная идёт. Идёт и смотрит на него своими ясными глазами, смотрит, как на икону. А Медведков возьми да брякни в зал со сцены: «Вот Ася Лютикова идёт меня поздравлять, приоделась, трезвая

сегодня». Я ушам своим не поверил. А она даже споткнулась на красной ковровой дорожке. Тебе, Юра, это, может, мелочью покажется…

– Да нет, почему же? – отрицательно покачал головой Юрий Кириллович.

– А у меня вмиг его образ потускнел, – продолжал Дубовской. – Ну а потом эта история с яйцами.

– Какая история? – нетерпеливо поторопил Просекин.

– Ну, когда на одной его творческой встрече, при большом скоплении народа в зале, два отчаянных студентика запустили в него сырыми яйцами. Желтки по пиджаку потекли. Ему бы, всегда строившему из себя аристократа, снять этот пиджак, заявить, мол, у меня таких пиджаков – куры не клюют, и, вообще, сделать вид, что ничего страшного не произошло, а он как заорёт: «Держите их, валите их!» Парней схватили, за руки, за ноги растянули, а он со сцены сбегает и ну их пинать, да по лицу, да в пах по яйцам. А те корчатся от боли. Я это собственными глазами видел. Вот тут всё во мне перевернулось. Такое разочарование. Даже в профессии. Вот уж точно: не сотвори себе кумира.

– Послушай, Серёжа, – примирительно спросил Просекин, – а ты можешь хоть немного абстрагироваться от личной обиды.

– А почему я должен абстрагироваться от личной обиды? – поднял брови Дубовской. – Я что, не достоин? А кто это определил? Он? Его клевреты, его ставленники в Минкульте? Почему я был вычеркнут из процесса, будто ничего приличного не снял прежде. Я же после той нашей с тобой картины, что закрыли, успел ещё кое-что сделать. И фильмы получились. И даже в условиях разрушенного проката те зрители, что успели эти фильмы увидеть, на ура их принимали. И вдруг как отрезало. С каким проектом не сунусь – от ворот поворот. Да что я? Ты смотри, сколько режиссёров, которые ещё в советское время чуть ли не классиками нашего кино стали, сейчас не могут ни один свой проект пробить. Почему же его, ах-ах-ах, прославленного нашего лидера, это не волнует?

– Может, и волнует…

– Да ни черта его не волнует! Ему это выгодно. Вот смотри. Те несколько картин, о которых реклама шумит, которые благодаря этому денежки по всей стране собирают, это же всё картины его студии. Пусть не он снимал, так он продюсер. И ещё телеканал «Россия один». Тут и с рекламой-то куда как просто. Вот и косят денежки. Зачем им другие студии и другие фильмы. Порою пню бывает много чести, когда он выше всех на ровном месте. Он же с президентом вась-вась, вот ему и вся наша культура в собственную вотчину отдана.

– Ну хорошо, если даже это так. Но вот в своих передачах на телевидении он ведь действительно нравственные вещи отстаивает.

– Он нравственен ровно настолько, насколько ему это выгодно. Его нравственность исчисляется в денежном эквиваленте.

– Ну не знаю! – уже едва сдерживаясь, воскликнул Юрий Кириллович. – А мне нравится всё, что он с телеэкрана говорит, очень нравится.

– Поверь, и мне очень нравится, что он с телеэкрана говорит, – скривил улыбку Сергей. – Ещё мне очень нравится, как птички весной поют.

– Ну, хватит, – нахмурился Просекин. – Бог ему судья, в конце концов. Много мы ему внимания уделили. Я не за этим тебя звал. Речь идёт о нашем долге художническом. Ведь тебя, Серёга, не может не волновать…

– Меня волнует благополучие моей семьи, – перебил его Дубовской. – Моих детей. Чтобы они не голодали. Были сыты, здоровы, чтобы получили образование. А для этого я должен зарабатывать деньги, и немалые.

– Но благополучие твоей семьи и благополучие твоей страны – это же взаимосвязанные вещи. Чем живёт народ, как живёт, что нас ждёт впереди. Каково будущее. А в него заглянуть без знания истории…

– Слушай, что ты мне банальные проповеди тут читаешь?! Со страной полный порядок. Благополучно построили этакий питомник для жирных котов: для них всё сплошь сметана, а мы внизу копошимся в объедках, как серые мышки. Что ему, этому питомнику, может грозить? Новая революция? Но это не скоро. Война? Не думаю. Всякое дерьмо за рубежом будет морочить голову, но лезть побоятся. Вот моя семья реально может провалиться в нищету, если я работу потеряю, ибо мы, увы, в высшее сословие не попали. Вот за детей у меня душа болит, а за страну… Ничего с ней, в конце концов, не случится. Даже если напрочь всё своё прошлое зачеркнёт и забудет.

– Близоруко ты как-то, дружище, рассуждаешь, – сокрушённо вздохнул Просекин.

– Нет, дорогой, извини, – усмехнулся Сергей. – Очень даже дальнозорко, – он поднял глаза к небу, потом повернулся и перекрестился на кресты храма. – Может, не дай бог, конечно, прилететь какой-нибудь астероид, или Марс, вон говорят, приблизится скоро – сгорит всё на фиг, и наступит ве-э-чность.

– Нет, Серёга, она не в этом…

– Кто, она?

– Вечность.

– А в чём?

– В памяти. Вот человека, допустим, давно нет, а мы о нём помним, помним о том, что он сделал для нас, для жизни будущей, прости за пафос, для мира. И потомкам расскажем. А они своим потомкам расскажут, расскажут, благодаря кому те живут счастливо на белом свете. И вот нет человека, физически нет, обнять его никак нельзя. А вот он нас как бы обнимает, да и мы его обнимаем памятью своей…

– Па-а-мять, па-а-мять, – перебил Сергей. – Знаешь, это вроде как цветок на подоконнике: забыли вовремя полить, он увял, вытряхнули его из горшка, посадили другой – вот и вся память тебе. Вот смотри на это изваяние, – он указал рукой на высокую статую, мимо которой они проходили. Величие её подчёркивала белоснежная колоннада за спиной и отдыхающие бронзовые львы у подножья. – Видал, какой торжественный идол? Читай, читай вслух.

Юрий Кириллович прочитал на постаменте:

– «Император Александр Второй. Отменил в тысяча восемьсот шестьдесят первом году крепостное право и освободил миллионы крестьян от многовекового рабства. Провёл военную и судебную реформы. Ввёл систему местного самоуправления: городские думы и земские управы. Завершил многолетнюю Кавказскую войну. Освободил славянские народы от османского ига. Погиб первого марта одна тысяча восемьсот восемьдесят первого года в результате террористического акта». К чему ты это? – закончив читать, спросил Просекин. – Всё это мне известно, я сам в конкурсе участвовал. Но выиграл Рукавишников.

– Прекрасно, – усмехнулся Сергей. – А в девятьсот двенадцатом году здесь, ещё возле того исторического храма Христа Спасителя, что большевики грохнули, стоял памятник кому?

– Ну, Александру Третьему, – пожал плечами Просекин.

– То-то и оно! – поднял указательный палец Сергей. – Всего одну палочку убрали. Памятник, что с тремя палочками, здесь в начале прошлого века установили по указанию Николая Второго, а памятник с двумя палочками уже в начале нонешнего века возвели по инициативе партии «Союз правых сил». Немцов, Хакамада, ну, в общем, эта вся компания…

– Погоди, Серёжа, ты к чему это всё? – нетерпеливо перебил его Юрий Кириллович.

– А к тому, Юра, что память – это политика. Что власти выгодно, то и помним. Сейчас надо Сталина с Лениным обсирать и всё наше коммунистическое прошлое – вот актуальная память. Ты преуспевающий художник – должен чётко момент ловить. Помни то, что нужно помнить сегодняшней власти, – и тебя провозгласят великим художником. Не лезь ты со своей собственной памятью, никому она не нужна, никого не волнует. Ты уж прости, но я честно.

Он горько замолчал. Молчал и Просекин. Так они минуты две и шли молча по второму кругу вокруг храма. Наконец, Юрий Кириллович тяжело вздохнул:

– Знаешь, я вот часто что-то стал думать, есть там жизнь после смерти, нет ли? Возраст, что ли, такой уже. Ну и, естественно, думаешь: зачем, для чего? Банально, конечно. Иногда приходит мысль, что люди, как осенние листья: опадают и в землю уходят. И новые листочки зелёные нарождаются. И что им до тех, бурых, сухих да скорченных-скрюченных, гниющих в земле сырой. У них своя солнечная жизнь…

– Так вот я тебе о том же, – одобрительно закивал ему Сергей.

– А вот знаешь, – продолжал Юрий Кириллович, чуть возвысив голос, стараясь перекрыть Сергея, – в храм меня часто тянет. Раньше не наблюдал за собой такого. Хотя заказы патриархии выполнял и в церковках разных бывал, но всё как-то по делу, с финансовым, так сказать, интересом. А тут в храм захожу, как бы это сказать, за надеждой, что ли, какой-то. В этом, я думаю, религия с искусством смыкается. Искусство ведь тоже во имя надежды творится. Надежды на то, что всё было не зря. Все страдания людские, все пути-дороги непроходимые, по которым из последних сил шагал человек. Да, в конце концов, ведь это попытка понять смысл самого существования его, человека, на земле. Это от наскальных рисунков ещё.

– Ой, Юра, в какие ты, не побоюсь этого слова, бедри залез, ох-ха-хох, – с усмешкой выдохнул Сергей. – Это, знаешь, брат, надолго, и в сухую не разберёмся. Давай как-нибудь за бутылочкой. Да я ещё гитару возьму. Как хорошо. У тебя дача есть с камином?..

– Пойми, Серёга, – остановил его Просекин, ухватив за лацкан пиджака, – речь веду не о какой-то там киношке-развлекухе. Это, уж прости за пафос, святая память, это бессмертие, это вечность.

– Ох-хо-хох, Господи ты боже мой! – сокрушённо вздохнул Сергей, – Ну взрослый же ты человек, дедушка, поди, уже…

– Пока нет, – тоже вздохнул Юрий Кириллович и костяшкой указательного пальца смахнул выкатившуюся, скорее всего от ветра, слезу.

– Ну, не важно, – хмуро дёрнул головой Сергей. – Рассуждаешь, говорю, как мальчик. Романтические сопли какие-то. Ты уж не обижайся. Вот ты меня лучше пойми: не нужно такое кино сейчас. Поколение next выбирает Pepsi. Им развлекаться-отвлекаться хочется. На хрен им о смерти думать и смотреть, страдать там, сопереживать. Как это? Пить будем, гулять будем, а смерть придёт – помирать будем. И всё! Им как в компьютерной игре надо: снаряд полете-э-эл, полете-э-эл, полете-э-эл, медленно так, как в масло, в танковую броню влип – во кино! Или там танкист обгорелый… Ничё ему больше не надо, только свои сиськи, санитарка, покажи. О, последнее предсмертное желание! Настоящий-то сгоревший в танке боец на том свете обхохотался. Но ему доходчиво объяснили, что наш уважаемый режиссёрище этот аттракцион не во имя него и памяти о нём, а во имя зрителя придумал! Это зрителю такая херовина с изысканным пафосом подаётся. И всех устраивает. Забавно! Цирк на дроте! Как, кстати, выражаются наши украинские коллеги. Когда-то работал на Довженко. Вот. А ты хочешь, чтоб они думали, зрители наши бедные, переживали, помнили. Да они уже разучились. Им кино подавай, подобное чёртову колесу, то есть колесу обозрения: вроде высоко, вроде страшно, но без полёта и без крыльев. Их так уже приучили, точнее – приручили. Нашему государству-то такой пипл выгоден. УОП – умственно ограниченный потребитель.

Они опять оказались на мосту. Стояли, опершись на его перила, стояли и смотрели на воду. На ней то и дело играли солнечные зайчики или вдруг проплывало, играя мрачными лиловыми оттенками, большое маслянистое пятно.

– Ладно, давай прощаться, – разворачиваясь к Просекину, Сергей выпрямился, выпятил грудь, разминая плечи, и протянул руку. – Мне пора в мой «Домашний уют», в норку мою.

– А может, всё-таки попробуем? – грустно спросил Юрий Кириллович.

– Нет, нет и нет, – отрицательно покачал головой Сергей. – Пойми, это огромная и неблагодарная сегодня работа. Как ты себе представляешь? Надо же сценарий делать, а рукопись, воспоминания те, утеряна.

– Я вспомню, – уже теряя надежду, всё же пытался настаивать Юрий Кириллович. – Начнём работать, и я всё вспомню.

– Да брось ты! Ладно, всё, прощай!

Юрий Кириллович удержал его руку:

– А я, Сергей, жить не смогу, если всё-таки не сделаю это. Меня будто кто-то молит об этом.

– Ну, Бог тебе в помощь, – Сергей опять перекрестился на надкупольные кресты храма Христа Спасителя. – Дерзай, пытайся. Знаешь анекдот? Сталин говорит Горькому: «Алэксэй Максымовыч, ви напысалы замэчатэльный роман „Мат“. Настало врэмя напысат роман „Отэц“». Горький говорит: «Вряд ли я уже смогу, Иосиф Виссарионович». А Сталин: «А ви попытайтэсь. Попытка нэ пытка, правыльно я гавару, товарыщ Бэрия?»

Он рассмеялся, отнял свою руку:

– Ну, будь здоров! Здоровье, кстати, главный капитал: без него фиг чего добьёшься. Удачи тебе и прощай.

– До свидания, – нехотя ответил Просекин. – А я вот верю, что не забудешь ты наш разговор.

– О-ой, верь, пожалуйста, только у меня столько всего… Мне бы твои заботы. Пока!

Он решительно развернулся и быстро удалился по мосту.

Со своей возвышенности замечаю шофёра одной из машин в форменной фуражке НКВД. Значит, здесь есть наши сотрудники. Спускаюсь, стараясь не упустить эту машину из виду. Подхожу к тому месту, где она замаскирована. От шофёра узнаю, что это автомашины комендатуры НКВД, гружёные разным барахлом. Водитель поменял мне мою винтовку на полуавтомат, и я устроился в кабине его машины.

Водитель информирует меня об обстановке. Впереди переправа и село Борщёв. Противник нажимает на это село, стремясь отрезать нам путь на Барышевку. Командование полагает, что переправа находится под прицельным огнём немцев.

Томительные часы ожидания. Неимоверно хочется спать. Без сна и еды вторые сутки.

В два часа дня всех вооружённых людей снимают с автомашин и формируют в воинское подразделение для наступления на село. Оно лежит по левую сторону от переправы и занято немцами. Вражеский самолёт-разведчик уже обнаружил скопление наших автомашин в поле. А дальше этого села висит ещё немецкий аэростат с наблюдателем.

Комендант и с ним лейтенант пограничных войск спорят с полковым комиссаром по поводу посылки штата комендатуры в бой. Но тщетно, комиссар настоял на своём и приказал выстроить людей и направить на сборный пункт. С людьми комендатуры иду и я. Бойцы довольны, что с ними лицо командного состава из числа НКВД. Комендант же и с ним лейтенант тут же провалились как сквозь землю. Из командного состава я остался один. Назначаюсь командовать взводом.

На сборном пункте получаем ручные пулемёты, один «Максим», ручные гранаты. У кого плохие винтовки, меняют на исправные. Получаем задание двигаться взводом по левую сторону от болота. Прямо на село N. Мы должны выбить из него немцев и таким образом освободить путь для автомашин на переправу. Вместе с нами с правой и левой стороны наступают и другие взводы.

Как только выступили с пункта, тут же подверглись ураганному миномётному и артиллерийскому обстрелу. Немцы всеми силами стремятся преградить нам путь. Во взводе, направившемся правее нас, есть уже убитые и раненые. Нам предстоит проско-

чить сплошную завесу огня. Движемся врассыпную, отстаёт станковый пулемёт. Перебегаем из одного окопа в другой. Оглушают разрывы мин. Вот глубокие окопы закончились. Впереди первичные ячейки, в которых можно упрятать только голову и грудь. В первой же ячейке, как только совсем рядом разорвалась мина, почувствовал сильный толчок в ногу без всякой боли, но тут же перестаю ощущать всю правую ногу. Стараюсь сообразить, угадать, что случилось, отчего нога потеряла чувствительность. Пытаюсь, не поднимая головы, ощупать ногу и найти место ранения. На ощупь определяю, что нога цела, но она мне, однако, не подчиняется. Подняв голову, вижу взрытую землю у самой ноги и рядом большой осколок мины. Машинально схватил его и тут же обжог пальцы. Постепенно ногу начинает покалывать, и возвращается чувствительность. Крови не видно, значит, в конце концов, всё в порядке. Пробую дальше ползти, не отставая от товарищей, и опираться на онемевшую ногу. Она поначалу всё же не слушается, но потихоньку мне удаётся согнуть её в колене. Как только попытался осуществить перебежку, ощутил жгучую боль в ноге, но всё же не упал, а продолжал бежать. Стало вдруг весело, что так удачно всё закончилось. Ведь поначалу не на шутку испугался и решил, что теперь капут, раз разбило ногу: ползком далеко не уйдёшь, а участь раненых я уже видел.

Полоса огня осталась позади. Впереди, примерно на расстоянии в полкилометра, село. Там враг, но он молчит, огня не открывает. Выгодный для нас подступ к окраинным огородам села – болотная по пояс трава и мелкий кустарник. Отчётливо вижу: в сарае немцы устанавливают миномёты и вот оттуда начинают бить по полю, чтобы остановить наше наступление. Видны вспышки огня. Эх, как жаль, что никак нельзя скорректировать цель нашей батарее. Она бьёт, но бьёт с большим перелётом, а мой пулемёт Дегтярёва не достаёт этой цели. Решаем подтянуть «Максим» и с его помощью заставить противника замолчать.

За леском, виднеющимся левее села, слышны выстрелы немецких орудий. Понятно, что ведут они огонь по нашей батарее. Вот ведь тоже цель определяется, а сообщить о ней нашим артиллеристам нет никакой возможности. И вот получается, что наш ответный огонь для немцев совершенно безвреден. Обидно. Подумал: «Уж такие мы вояки, видимо, собравшиеся наскоро победить врага, а дальше собственного носа не видим».

Подтянули «Максим», и он «запел» своим приятным голоском по указанной цели. Пулемёт работает безупречно. Видим, как враг забегал, засуетился и прекратил огонь миномётов. Понимаю, что «Максиму» ещё немало предстоит поработать, поэтому патроны надо поберечь. Тем более что цель поражена. Командую прекратить огонь. Пулемётчики хотя и трусливы оказались, но стрелять умеют хорошо. Я остался всё же доволен ими, злоба моя на них за робость при переходе линии миномётного огня улетучилась.

Немцы, заслышав наш пулемёт, но, видимо, не определив его месторасположение, открыли огонь из автоматов. Свиста пуль не слышно, значит, бьют куда-то мимо нас.

Прежде чем продвигаться дальше в село и подставлять себя под немецкие пули, решаю открыть огонь из всех трёх пулемётов по крышам хат, по огородам с зарослями кукурузы. И под этим прикрытием подтягивать вперёд бойцов.

Работой наших пулемётов привлекли на себя внимание противника. Весь свой огонь немцы теперь направили на наш взвод. Другие взводы, ободрённые нашим огнём, начали активно наступать в обхват села. Мы в центре внимания немцев, отвлекаем на себя весь их огонь. Наконец, они замечают движение наших войск справа и слева. Стрельба их в нашем направлении становится более редкой, ибо теперь они должны отстреливаться с флангов.

По-пластунски мы достигли огородов. Среди густой кукурузы хорошо продвигаться до самых хат. Не принимая боя, немцы удирают. Мы вступаем в село.

В первую очередь обыскиваем чердаки хат, погреба и огороды, где, возможно, спрятался враг. Находим только одного старика, местного жителя. Он указывает нам, в каком направлении бежали немецкие солдаты. Итак, задание нами выполнено, немцев мы прогнали.

Как только отбили село, столкнулись с новой проблемой: а что же делать дальше? Ведь нового задания нам никто не дал. То ли надо было закрепиться в селе и этим ограничиться, то ли продолжать наступление, но в каком направлении. Во всяком случае, задача была дана неполной, а теперь дополнить её было уже некому.

Вдруг немец начал миномётный обстрел села. Нам пришлось снова отойти обратно на поле, на удобный рубеж, откуда уже нам было удобно держать под обстрелом село. Удержаться кучно тремя взводами в селе, тем более ночью, нам было бы сложно. Оставаться – представилось катастрофически опасным.

Как только стало ясно, что село очищено от немцев, колонна автомашин, артиллерия на конной тяге, санитарный батальон – все двинулись к переправе, надеясь на благополучный исход. Однако тут только всё и началось.

Ничем не обнаруживший себя противник установил за лесом миномёты, артиллерию и заранее пристрелялся к переправе. Пропустив наш поток к концу переправы, немцы обрушились на него всей силой своего артиллерийского и миномётного огня. Загорелись подбитые машины во главе колонны. Наглухо закрыли путь всему остальному транспорту. Возникла сплошная полукилометровая пробка, а в результате – давка. Автомашины, кони, люди так столпились на дороге, не имея возможности уйти по болотам ни вправо, ни влево, что представляли теперь для врага удобную, никем и ничем не защищённую, совершенно беспомощную цель. И бойня началась…

Продолжение следует

Станислав ГОЛЬДФАРБ

Капитан и ледокол
Повесть-иллюстрация

(Продолжение. Начало в №15)

Ледокол

Он, я и ёлка…

Ледокол услышал, что Капитан уснул: все звуки, которые мог издавать человек, прекратились враз. Прислушался всем корпусом – тихо. В другое время тоже замер бы, войдя в свою родную причальную вилку, которую строили специально для старшего брата, парома-ледокола «Байкал», и для него – ледокола «Ангара». Люди знающие понимают, как выглядит эта самая вилка, а тем, кто услышал о такой впервые, стоит глянуть на фотографии, там в кают-компании чуть ли не музей – по стенам в рамочках и брат «Байкал», и он, и причальные стенки, и вилка, конечно…

Как же приятно бывает просто постоять после ледового рейса, когда натруженная машина постепенно остывает от работы, когда все механизмы осмотрены и тщательно смазаны. Главный механик Тарасик лично проверит самые важные узлы, скажет каждому что-то особенно приятное, потрогает, погладит их, потом пропишет всё необходимое для жизни.

И вот тебе, перед самым новым годом самая настоящая беда.

И хотя в нынешние времена Новый год, как раньше, не встречают, я воспитан по старым правилам. Капитан это знает. Он традиций не нарушает. Дождётся, пока часы пробьют полночь, откупорит бутылку и наливает в особый стеклянный фужер. Он не простой – уложен в бархатную коробку, на которой красуется царственный орёл. У «орелика» своя история. «Птица» подарочная! Сам князь Хилков, министр путей сообщения, вручал прямо на пристани за работу на ледяной дороге. Позже расскажу подробнее.

Так вот, этот самый бокал Капитан наполняет настойкой собственного приготовления. По запаху то ли вишнёвая наливочка, то ли смородиновая. Сами понимаете, точно сказать не могу, у меня внутри за каждым поворотом свои запахи.

Значит, наполняет бокал, встаёт, молчит, я думаю, что тост он произносит про себя, и выпивает. Потом просто сидит расслабленный и никуда не спешит.

Такой «молчаливый» тост Капитан мысленно произносит трижды.

Семьи у Капитана не было, так что встречали праздник обычно на троих: он, я и ёлка. Мне кажется, Капитану было не очень весело, но и не так чтоб уж очень грустно. В конце концов я-то рядом. Со мной всегда можно помолчать или молча поговорить… В полночь, после первого тоста, Капитан выходил на палубу и бил в сигнальный колокол, а после третьего тоста спускался на берег и шел в посёлок – Порт Байкал.

Раньше, когда я был ещё молод, на палубе ставили большую ёлку, которую наряжала вся команда. Было весело. По традиции каждый мог повесить свою игрушку. Некоторые шутники умудрялись оставить на ёлке гайки, ключи, манометры и термометры, даже кусочки угля превращали в смешных зверюшек. За лучшую игрушку давали право поздравить команду у ёлки.

Капитан в каюте тоже ёлочку ставил, а вместо игрушек наряжал её грецкими орехами и конфетами, укутанными в разноцветные золотинки и фантики. Так делали его родители.

Из посёлка уже под утро Капитан обязательно возвращался на корабль. Тогда он бывал навеселе, шумел у себя в каюте, бывало, даже пытался что-то спеть. Но лучше бы он этого не делал. Даже мне, стальному, казалось, что от его пения омуль в Байкале должен скрыться на глубине. Не знаю почему, но он любит повторять: «Мадам, позвольте я рядом посижу», «Мадам, позвольте поцеловать вашу ручку»… Что к чему, какая «мадам», зачем «посижу» – я точно не знаю. Никаких мадамов на самом деле у Капитана на борту не бывало. А за берег я не отвечаю. Но если была, хотелось бы поглядеть, что же в ней такого, чтобы сам Капитан ей ручку целовал!

…Я очень любил наблюдать, как работал старший брат «Байкал». Зрелище, когда он «глотал» железнодорожные вагоны, огромные ящики с грузом, завораживало. Я так не мог. Составы входили на его палубу и скоро терялись где-то внутри – один, другой, третий… А ведь были ещё каюты. Да какие!

Помню, о них Капитан писал какому-то другу Сержу в далекий степной гарнизон Семипалатинск, затерянный в прииртышских степях. Он всегда читал написанное вслух, словно хотел услышать сам, как звучат его фразы. А я всегда запоминал слово в слово: «Серж, такого комфорта, таких кают, как на «Байкале», я не встречал на других судах: самые дорогие, естественно, в первом классе. Там есть уже отдельные комфортабельные уборные с патентованными английскими умывальниками. В каюте холодная и горячая вода. А ещё, друг мой, на этом пароме-ледоколе есть царские комнаты… (Ишь ты! Царские каюты! – с завистью подумал я тогда, слушая Капитана. – Ну да ладно, на то он и старший брат!).

…Я, конечно, сомневаюсь, что государь или его семейство отправятся в наш далекий северный уголок, чтобы специально прокатиться в каютах ледокола, но высокие чины зачастили на Восток, в наши незамерзающие порты. Уже несколько раз приезжал министр путей сообщения князь Хилков, военный министр генерал Куропаткин, так что царским комнатам пустыми не стоять. Замечу, что вообще отделка кают парома-ледокола не бросается в глаза роскошью – типичная английская строгость. Даже в царских мебель такая же, как и в первом классе. Столы и стулья на массивных бронзовых ножках, в стенах встроенные шкафы. Кроме того, в номерах есть спальня, уборная и ванная комната.

Да, забыл уточнить, все эти сказочные номера в носовой части «Байкала». Каюты третьего класса в задней части корабля. Помещения в них так же удобны и хорошо обставлены».

От воспоминаний Ледокол немножко расслабился. Внизу, там, где судно получило пробоину, что-то заскрипело и противно заскрежетало. Но в ту же минуту Ледокол собрался:

– Больно! Неужели воспоминания всегда так болезненны, – подумал Ледокол, – нужно держать себя на плаву и не волноваться. Всё-таки годы. Тружусь почти тридцать лет. Интересно, сколько по человеческим меркам тридцать ледокольных? Слышал от одной пассажирки с собачкой, что её питомцу десять лет, а по человеческим меркам – сорок!

Ледокол задумался.

– На «распил» вряд ли отправят, хотя… Такой стали сейчас по всей Сибири не найдёшь. Не дай бог, понадобится какому-нибудь заводу или колхозу! Обдерут ведь как липку!

Нет, скорее всего, залатают – поставят новый цементный ящик, глядишь, навигацию-другую потянем. А там и капиталку присудят. Кто же, кроме меня, лёд ломать будет – северный завоз, золотые прииски…

Эх, как же хорошо работалось со старшим братом «Байкалом», и даже когда в гражданскую поставили на меня пушки и пулемёты, я не чувствовал страха и одиночества. Знал: брат где-то рядом. Эх, всё-таки странное время было: то красные, то белые мной рулили. Забавные люди, я точно помню, покрашенных не было: на вид обычные, бледные, худые, ещё темненькие, наверное, от солнца. Но когда ругались, обязательно цвет поминали. Я парочку выражений помню: «Ах ты сволочь краснопузая». Или вот это: «Кровопиец золотопогонный»…

Когда брата расстреляли в упор и он погиб в страшном пожаре, я очень страдал и печалился, но мне даже не дали времени, чтобы отойти от этой ужасной трагедии – загрузили за двоих…

А вот теперь, перед Новым годом, на каменной игле торчу. Одно хорошо – для воспоминаний и размышлений времени хоть отбавляй.

Глава 4
Капитан
Совпадения и размышления

Капитан проснулся ночью от ощущения, что, пока он спал, кто-то рядом что-то вспоминал, и эти воспоминания каким-то образом касались и его тоже, поминал его тоже.

В каюте было темно, но щель в дверке буржуйки показывала огонёк. Он был несильным – почти всё внутри прогорело, но вполне хватало, чтобы в темени можно было различить ближние предметы и саму печурку. Странно, но ощущения «перебитого» сна не было. Как ни крути, переживаний хотя и много, но работы точно поубавилось, вот тебе и время для воспоминаний.

Отчего-то вспомнился июль 1900 года. Двадцать пятого числа спускали на воду его Ледокол. Это что же получается, почти в одно и то же время полярник Колчак писал письмо в Лондон о заказе на изготовление оборудования для своей экспедиции, а Ледокол окунулся в байкальские воды?!

Капитан подбросил уголька в буржуйку, зажег керосинку и полез в свою «вспоминательную» книгу.

– Ну точно, вот, письмо Колчака двадцатого марта тысяча девятисотого года. Ледокол ещё на стапелях стоял, правда, уже во всей своей красе, осталось только имя написать – «Ангара». Как же много совпадений между ледоколом и человеком!

Капитан внимательно следил за экспедицией Колчака, которая задумывалась для поисков таинственной Земли Санникова. Она вышла из Петербурга 8 июня 1900 года. Экспедиция по поиску Земли Санникова стала фактически экспедицией по спасению Толля.

Барон Толль изучал Ледовитый океан к северу от Новосибирских островов, но арктические условия сложились самым неблагоприятным образом. Яхта «Заря» вынуждена была пробираться к совершенно не обследованным берегам Западного Таймыра. Гидрографических сведений, по словам Колчака, практически не было! Только в 1901 году, когда море вскрылось,

«Заря» обогнула мыс Челюскин и пересекла Сибирское море к востоку от Таймырского полуострова.

Спустя время Колчак выступал с докладом в Иркутске в местном географическом обществе. Я был на этой встрече. И я очень хорошо запомнил его слова, произнесенные в конце сообщения: «Относительно барона Толля я ещё раз выскажу, что, зная лично его и условия, среди которых он может теперь находиться, я не считаю его положение критическим, оно серьёзно и может вызвать заботы для облегчения ближайшего возвращения его, но всякое другое мнение, по-моему, преждевременно и, во всяком случае, лишено достаточных оснований. Я надеюсь, что в ближайшем будущем барон Толль лично явится в этот зал и сделает здесь более обстоятельное и более интересное сообщение».

Увы, Александр Васильевич Колчак ошибся. Толль трагически погиб…

Ледокол

Ирония судьбы?!

Нет, ну какая ирония судьбы! Я бы тоже мог с Колчаком в ледовые широты отправиться помогать совершать открытия! Капитан рассказывал, что Колчак был первым, кто открыл Великую Сибирскую полынью. Вы представляете: в Ледовитом океане, где полярная ночь, а температура за минус пятьдесят – открытая вода! Великая Сибирская полынья протяжённостью более трёх тысяч километров! Разве это не чудо природы?! Лейтенант Александр Колчак описал это природное явление и объяснил его происхождение.

На Байкале тоже встречаются полыньи. Конечно, размеры не те, не океанские. Впрочем, слышал я от одной учёной дамы, которая любила порассуждать, относительно дыры где-то в байкальском дне, через которую Байкал сообщается с океаном. «Иначе откуда здесь взяться, к примеру, нерпе?» – задавала риторический вопрос учёная дама и суровым взглядом, попыхивая длинной дамской папироской, обводила взглядом собеседников. А эти нерпы, скажу я вам, забавные зверюшки, я с ними много раз встречался в рейсах, особенно у Ушканьих островов. Вылезут на камни и таращатся на меня своими огромными глазищами…

…М-да, однако, Александр Васильевич, запамятовал я, случалось ли вам прогуливаться на моей палубе? Однако, бывали, никак не бывали? Вот возвращались с Дальнего Востока, поговаривали, что «Колчак из плена вырвался». Я очень был этому рад, нас ведь многое связывает: ваше пристрастие к полярным путешествиям, я тоже в душе полярник, всё-таки ледокол, льды и холод – моя стихия. И у нас общие знакомые. Да вот хотя бы сэр Уильям Армстронг, тот самый, что основал компанию «Армстронг, Уитворт и Ко». На её верфях родился мой брат старший – паром-ледокол «Байкал», а следом и я. Вы ведь, Александр Васильевич, практически выросли на Обуховском заводе, где работал ваш отец, много времени проводили в мастерских. А однажды туда приехал этот самый английский Армстронг, хорошо знавший вашего батюшку Василия Ивановича, поскольку вы занимались и военными заказами. Вот Армстронг и предлагал вам перебраться в Англию, попрактиковаться на его заводах и выучиться на инженера. Но вы отказались. Мечтали стать капитаном, мореплавателем! Сказали, что «желание плавать и служить в море превозмогли идею сделаться инженером и техником».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.